

10

A

АТРИБУТ
С ИЗЪЯНОМ

V

ПАВЕЛ КОРНЕВ

Павел Корнев

Атрибут с изъяном

<https://litres.ru/74504639>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я был проклят, и у меня был зарок. Избавился и от того, и от другого, но на свете нет ничего прилипчивей старой доброй порчи — замарают раз и непременно отыщет возможность вернуться, сколько её ни выжигай. Да и зарок для тайнознатца отнюдь не пустые слова, нарушишь — аукнется. Я и нарушил, мне и аукнулось. Взял чужое и влип в очередной переплёт.

Впрочем плевать! Иначе было никак, иначе — хоть ложись и помирай. Ну вот что своего может быть у бывшего босняка? Да ровным счётом ничего! Ничего своего у Серого из Гнилого дома не было, лишь доставшееся по наследству проклятие и навязанный из-за него зарок, чтоб их черти драли!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	21

Павел Корнев

Атрибут с изъяном

Глава 1

17-65

Я упустил тот момент, когда удовлетворение сменилось сосущей опустошённостью, а ощущение всеобъемлющей гармонии омрачилось предчувствием скорых неприятностей. Вот ещё только пребывал в превосходном расположении духа и вдруг осознал, что начинает потряхивать от закравшегося в голову подозрения: «А не лопухнулся ли ты, дружок? Не остался ли в дураках?»

Да — в очередной раз вывернулся и выгреб, уцелел и ещё на один шагок приблизился к прорыву в аспиранты, но не окажется ли цена этого чрезмерной? Не является ли она таковой уже сейчас?

Изменил Беляне, лишил невинности боярыню, отдал...

Что? Только лишь наполнение апогея или целиком крайнее колено атрибута?

Так ли гладко всё прошло?

Вот этот вопрос я Лилии и задал:

— Так ли гладко всё прошло, дорогуша?

Барышня глянула свысока и принялась оправлять свою приведённую в совершенно непотребное состояние ночную рубашку.

— Три! — проговорила вдруг она. — Два!..

Я проследил за её взглядом, выругался и рывком подтянул штаны, не желая оказаться застигнутым... Да-да! Именно что со спущенными портками!

Кто-то толкнул дверь, и та дрогнула, но не распахнулась, удержанная на месте засовом.

— Раз! — с непонятным мне восторгом произнесла Лилия, и задвижку попросту сорвало, внутрь шагнула Божана. Лицо — мрачнее тучи, глаза — чернее тьмы.

Наши потуги придать себе приличный вид не обманули её ни на миг, разобралась в случившемся боярыня моментально.

— Пошла вон, шалава! — резко бросила она племяннице и устоялась на меня, но — поторопилась.

— Больше уважения, тётушка! — елеёным голосочком произнесла Лилия и вдруг сорвалась на визг: — А лучше просто не разевай свою поганую пасть!

Что-то колыхнулось, а потом меня вдруг сбросило с кровати и закатило под стол. С лязгом разомкнулся и отлетел в сторону зачарованный ошейник Лилии, тёмная волна разошлась по комнате, но сразу качнулась обратно и втянулась в барышню, не успев затронуть ни меня, ни Божану.

— Подите прочь, тётушка! — любезно попросила Лилия

куда спокойней прежнего, и боярыня вняла этому требованию: пусть и без лишней поспешности, но всё же удалилась, не промолвив больше ни слова.

Я с опаской выбрался из-под стола, перехватил изучающий взгляд барышни и обнаружил, что её радужки потемнели настолько, насколько тёмным может быть пурпур, и стали пурпурными ровно в той мере, каковой может сделаться чернота.

А метка на духе — пропала!

«Это она сейчас преломление прошла?!» — ошалело подумал я, наваливаясь на стол. Хотел попросить избавить меня от кандалов, но не успел: в коридоре послышались голоса, и Лилия спешно упорхнула из комнаты, напоследок бросив: — Это было ужасно, Серый!

— Дура! — беззвучно выдохнул я ей вслед. — Ужасно будет сейчас...

И не ошибся, племянницу и в самом деле прибыл проводить Ночесвет. Не иначе Божана сразу послала за ним, а вломила в комнату лишь после того, как в дом прибыл её дорогой кузен. Глупая курица!

Если б не кандалы, я бы точно выпрыгнул в окно, ну а так попытался потянуть в себя небесную силу, но перебороть зачарованную сталь с первой попытки не сумел, а второго шанса мне попросту не дали. В дверь ворвался шквал чёрной кипящей крови, разом заполонил собой всю комнату, крепенько приложил меня о стену и придавил к ней, не

позволяя пошевелиться. При этом никаких чар Ночесвет не задействовал вовсе, подобным образом всего лишь проявилась аура взбешённого ассессора. Кандалы в некоторой мере отсекали меня от внешнего фона, а напрямую боярин не атаковал, так что — стою.

— Ты!.. — прошипел папенька Чарослава. — Ты хоть понимаешь, что натворил?!

Мямлить и оправдываться я не пожелал, заявил в ответ без малейшей заминки:

— Как и было условлено, отдал Лилии наполнение своего апогея!

— А по какому уговору ты лишил её девственности? — рыкнул боярин. — Был об этом уговор, скажи?

— А по какому уговору ваша уважаемая сестрица взростила во мне проклятие? — не полез я за словом в карман и тут.

— Получается, отомстил так, да? — оскалился Ночесвет. — Ну так проклятие никто в тебе не возвращивал, его лишь немного изменили!

Находиться рядом с пребывающим в бешенстве ассессором стало попросту невозможно, тёмный жар его ауры уже не просто опалял, но откровенно жёг, и всё же я выдавил из себя:

— Никому я не мстил! Ваша сестра перестаралась, и проклятие вырвалось на волю! Не отдать его я не мог, а попытался и не получилось! Иначе бы и Лилию погубил, и сам умер!

— А надругался над ней, и всё как по маслу прошло, да?

— Кровь и пурпур! Распечатывание врат!

— Да какой там пурпур?! — взорвался Ночесвет. — Она же без малого чёрная!

Меня качнуло и вновь приложило о стену, вдавило в неё. Я охнул, но своего шанса оправдаться не упустил.

— Быть может, оно и к лучшему? — И перекинул собеседнику мысленный образ его сына с радужками чистейшего пурпурного оттенка, несказанно более яркого, нежели они были до неудачной попытки прорыва в аспиранты.

Боярин вздрогнул и охнул:

— Как?! Когда?! — Но он сразу опомнился и захлопнул дверь, потребовал: — Рассказывай!

— Вчера вечером или уже сегодня ночью Чарослав про-
рвался в аспиранты. Сейчас он, должно быть, в резиденции
епископа.

Жгучая аура втянулась в асессора, он хмыкнул.

— В резиденции епископа? — И тут же выстрелил новым
вопросом: — Что с Заряной?

Вместо ответа я перебросил очередной мысленный образ.

— Калёное серебро? — озадачился боярин и заходил по
комнате, вроде бы даже забыл обо мне, но тут же опомнился
и уточнил: — Как это произошло?

— Не без осложнений, — сообщил я и посоветовал: —
Вам лучше поспешить в резиденцию его преосвященства и
узнать подробности из первых уст.

Ночесвет кивнул и тут же ожёг меня злым взглядом.

— Факт остаётся фактом: ты обесчестил девицу из рода Пурпурного змея и должен понести за это наказание!

— А вы взрастили во мне проклятие! — парировал я. — И его преосвященство ожидает моего отчёта о поездке в школу Пылающего чертополоха!

Ухватился за соломинку, и немедленного удара не последовало.

— Ты должен быть наказан! — повторил Ночесвет, подступил вплотную, положил руку на плечо и переборол сопротивление зачарованных кандалов, проник своей волей в глубины моего духа, но ничего предпринимать не стал, лишь скривился в презрительной ухмылке. — И с учётом сложившихся обстоятельств я лишаю тебя обещанного вознаграждения!

Я думал, меня от бешенства разорвёт, но — ничего подобного. Одно только облегчение испытал — аж горячей испариной прошибло и колени подогнулись. Проклятие больше не довлело надо мной, не влияло на эмоции, не дурманило разум, не корёжило ненавистью.

— Если попытаешься оспорить это решение и предашь огласке нашу договорённость, — продолжил боярин, — если Лилия обвинит тебя в насилии или хоть кто-нибудь ещё прознает о случившемся, тебя не спасёт заступничество даже наместника Царя небесного! Отдаёшь себе в этом отчёт?

Но моего утвердительного кивка ему оказалось недоста-

точно, пришлось принести обеты и дать клятвы о случившемся помалкивать. Ну а потом Ночесвет убрался, даже не потрудившись прикрыть за собой дверь. И вновь меня не скрутило от бессильной злобы — пожал плечами, повалился на кровать.

Без угнездившегося в глубинах духа проклятия было непривычно и... легко. Пожалуй, даже слишком легко — вплоть до ощущения сосущей пустоты. Впрочем, ощущение это не шло ни в какое сравнение с искажениями, обусловленными несоответствием аспекта и абриса, от которых теперь не осталось и следа.

Легко! Очень легко! Как никогда прежде!

Мелькнула мысль, что дело в зачарованных кандалах, и захотелось поскорее от них избавиться, но только подступил к двери и сразу шатнулся обратно, прикрыл её и вернулся на кровать. Бояре съезжали, попадаться на глаза никому из них не хотелось. В особенности — Лилии.

Изменил ведь Беяне! Пусть и не желал того, но — изменил!

Я тотчас опомнился и выбросил эту дурную мыслишку из головы, а ещё постарался отрешиться от внутренней опустошённости и задумался о своих перспективах. Точнее — начал подбивать расходы и доходы. К первым отнёс упущенную возможность заполучить аргумент рода Пурпурного змея и вконец испорченные отношения с боярами, ко вторым — избавление от проклятия и выправление азимута.

Сколько с меня за беспроблемное преломление слупить намеревались: пять тысяч или все десять? А теперь справлюсь и сам! Ну а почему нет-то? И аспект к абрису подогнал, и зловредных чар больше опасаться не приходится! Избавился от проклятия!

Вот только от него ли одного? Вновь навалились сомнения в том, что отдал Лилии только лишь наполнение апогея. А ну как лишился всего крайнего колена атрибута разом? Не это ли имел в виду Ночесвет, когда заявил о каких-то там «сложившихся обстоятельствах»? Неспроста же он перед тем оценил состояние моего духа!

Пробрал противный холодок, я спешно закрыл глаза и попытался поймать внутреннее равновесие, но зачарованные кандалы подгадили и с этим. Нет — продавился через созданный ими барьер, но толком поработать с духом не получилось, поскольку едва ощутил слабенький отклик, а ядра и наполнявшей его небесной силы не отыскал вовсе.

Может, и справился бы ещё, но на лестнице загромыхали сапожищами, а потом дверь без стука распахнулась и на пороге возник отец Острый, осунувшийся и злой как чёрт.

— Трудник! — прорычал он, но после визита Ночесвета особого впечатления на меня этим рыком не произвёл.

Я уселся на кровати и спросил:

— Чем обязан, отче?

— Собирайся! — скомандовал священник. — Тебя желает видеть его преосвященство!

За спиной отца Острого маячила парочка крепких монахов, и валять дурака я не стал. Подтянул к себе цепочки зачарованных кандалов, собрал их и направился на выход. Если священника и удивили мои манипуляции, до расспросов он не опустился и посторонился, освобождая проход.

Спустились в гостиную, там — Догада.

— Серый, а где Тенебор?! — всполошилась она.

— С ним всё в порядке, — уверил я деваху. — Скоро будет дома.

Отец Острый многозначительно хмыкнул, но только этим и ограничился. Мои плащ и котелок обнаружились в прихожей — сначала пропустил через рукав цепочки кандалов, затем спрятал их в глубоченном кармане. Всё это на ходу, застегнулся уже только во дворе, ибо парочка монахов едва не наступала на пятки.

Дошли до стоявшей на Каштановом бульваре кареты, погрузились, поехали. Думал, отец Острый начнёт задавать неудобные вопросы или даже попрекать случившимся, но за всю дорогу он не промолвил ни единого слова. На въезде в епископскую резиденцию меня проверили со всем тщанием, чему зачарованный браслет ни в коей мере не воспрепятствовал, и ещё даже более дотошно досмотрели меня непосредственно в приёмной его преосвященства.

В итоге претензий не возникло ни к состоянию духа, ни к кандалам, и отец Острый незамедлительно провёл меня в просторный кабинет.

— Это зачем ещё? — нахмурился епископ Ясный при виде браслета зачарованной стали.

— Это не мы, ваше преосвященство, — пояснил отец Острый.

Тогда спросили уже меня:

— Кто и зачем?

— Сам. В лечебных целях.

Епископ скривился и потребовал:

— Приведи отца Стылого.

— Но...

— Исполни!

Ослушаться епископа отец Острый не посмел и отправился выполнять распоряжение, а я подумал-подумал и плюхнулся в кресло перед столом хозяина кабинета.

— Так, значит? — проворчал аспирант, некогда известный как Зареслав из дома Пламенной благодати, и на меня повеяло жаром, пробившимся даже через холод зачарованной стали. — И кто же позволил тебе принимать участие в жизни моей дочери?

Меня чуток вдавило в кресло, но не слишком-то и сильно, присутствия духа я не утратил.

— Не виновен, ваша честь! — позволил себе даже шутку, прежде чем перейти к делу: — Простите, ваше преосвященство, оговорился! Но в любом случае я не подбивал Чарослава из рода Пурпурного змея делать вашей дочери предложение руки и сердца. Идея незамедлительного венчания при-

надлежала тоже не мне, и я никак не мог воспрепятствовать их отлёту в Закряжинск.

— Мог!

— Вот это бы и стало неоправданным вмешательством! Заряна уверила нашу братию, что вы дали согласие на этот брак, и не было никаких причин сомневаться в её словах.

Вёл я себя без малого вызывающе совершенно осознано, поскольку и никакой вины за собой не чувствовал, и терять было уже попросту нечего, кроме своих цепей.

Епископ Ясный прищурился.

— А что с ритуалом поклонения луне?

— Я просто передал ваше послание Дарёне Шатун. Меня и близко не было, когда Заряна общалась с этой особой, а после возвращения из Закряжинска мы не смогли отыскать отца Острого и отправились...

— Не о том речь! — раздражённо отмахнулся хозяин кабинета, и расплавленный янтарь его радужек засиял самую малость ярче. — Кто знал о месте проведения ритуала? Кто не удержал язык за зубами?

— Если вы полагаете, будто команда «Репейника» причастна к случившемуся нападению... — Я покачал головой. — В этом случае оно произошло бы в самом начале ритуала или даже непосредственно перед ним. Скорее уж Дарёна находилась под наблюдением, а дальше ориентиром послужил столп лунного света.

— Где она? Где сейчас Дарёна?

Новый вопрос с толку не сбил, я беспечно пожал плечами.
— Понятия не имею.

И ведь не соврал — в Царствии небесном ведьме делать было нечего, посему какое именно ей выпало посмертие, оставалось только гадать. Думал, дальше последуют расспросы о нападении, но вместо этого епископ Ясный нехотя вроде бы произнёс:

— Сегодня будет объявлено о помолвке моей дочери и Чарослава из рода Пурпурного змея. — Он пристукнул ладонью о стол. — Только о помолвке! Об остальном держи язык за зубами!

Ответить помешал стук в дверь.

— Войдите! — разрешил хозяин кабинета, и к нам присоединился священник — худощавый и с радужками, заметно светлее небесно-голубого оттенка.

— Вчера трудник Серый, — указал на меня епископ Ясный, — будучи аколитом, неким удивительным образом сумел сравняться по способностям если и не с ассессором, то с пиковым аспирантом. Выясни, как ему это удалось и не использовал ли он для усиления какие-либо запрещённые техники и средства. Доложишь мне лично! Больше ни с кем это не обсуждай.

— Будет исполнено, ваше преосвященство, — заявил священник, не выказав ни малейшего удивления. — Трудник...

«Вот и вся благодарность за спасение дочери!» — мысленно посетовал я, поднялся из кресла и наметил лёгкий по-

клон, прежде чем двинуться на выход, но на деле раздражение было целиком и полностью напускным.

Нет, какая-то обида на епископа присутствовала, но её перекрыла так и не покинувшая меня лёгкость. Раньше под влиянием проклятия непременно дал бы выход раздражению, а сейчас — плевать! Да и грядущая проверка тоже несколько не беспокоила. Ну какие ещё запретные техники, ну в самом-то деле? Какие средства?

Собственно, об этом отец Стылый разговор и завёл, стоило только нам спуститься в подвал и пройти в просторную залу с каменными стенами и сводчатым потолком.

— Сам расскажешь, что с тобой не так, трудник, или доискиваться придётся?

— Да просто меня прокляли, — хмыкнул я и веско добавил: — Дважды!

Но заявление это на худошавого священника никакого впечатления не произвело.

— Эка невидаль! — фыркнул он и похлопал в ладоши. — Приступаем!

Залу освещала одна-единственная люстра со свечами, поодаль от неё сгустился мрак, вот из этого мрака и появился пяток привлечённых начальственным окриком монахов, молодых и заспанных.

— Прошу! — указал отец Стылый на выложенный серебряными полосами на полу пентакль, но я с места не сдвинулся и задрал голову к потолку.

Нисколько не удивился даже, обнаружив, что люстра не только висит строго над пентаклем, но и полностью повторяет его форму и тоже отлита из серебра. На полу — ни капли воска.

— Проходи, не задерживай братьев, — поторопил меня священник. — Им ещё на ночное дежурство заступать.

Я передёрнул плечами и, как был в плаще и котелке, шагнул в центр пентакля.

— Кандалы зачарованы! — тотчас возмутился один из монахов, каждый из которых встал в своей вершине пятиконечной звезды. — Как нам его проверять?

— Без кандалов всяк проверить сумеет! — отрезал отец Стылый. — А как вы пленённых супостатов обследовать собираетесь, неучи?

— Что искать-то, отче? — поинтересовался кто-то другой.

— Трудник, — указал на меня священник, — умудрился сравняться в силах с ассессором и, надо понимать, произошло это не на тренировочной площадке, а в бою, ибо сим случаем заинтересовались на самом верху. — Он ткнул указательным пальцем в потолок. — Сам трудник врёт, будто был проклят...

— Чего это сразу — врёт? — возмутился я.

— Все врут! Из этого и надо исходить! — отмахнулся отец Стылый и вновь обратился к монахам: — Задача: разобраться в произошедшем, а после держать рот на замке. Присту-

пайте!

Ну и приступили. Раньше бы меня от касаний чужой воли точно трясти начало, ну а сейчас стоял спокойно да по сторонам поглядывал, отмечая, как внимание монахов постепенно проникает в самые глубины духа. Провозились они никак не менее получаса, а затем один из юнцов озвучил вердикт:

— Это не его, это он проклял! Посмертное проклятие задействовал и апогей сжёг, дурень!

— Но зато жив остался, — поправил собрата кто-то из монахов.

— А вот сейчас и поглядим — остался или нет, — ухмыльнулся отец Стылый и пальцем поманил меня к себе. — Кандалы нацепить надоумил кто или сам догадался?

При этом озвученная монахами причина моего внезапно-го усиления сомнений у него не вызвала, дело оказалось совсем в другом.

— Да нет в нём уже проклятия! — заявил первый из юнцов. — Натравил на кого-то!

— Не в том дело! — отмахнулся священник. — С апогеем его что случилось, а?

— Выгорел!

— Именно! А природа не терпит пустоты! Вы хоть представляете, какие искажения должен был претерпеть его дух? Да — зачарованные кандалы в десятки раз замедлили этот процесс, но у всего есть предел прочности. После определённых изменений абрис попросту рвётся!

Я нервно встрепнулся и попытался прислушаться к своим ощущениям.

— Да вроде куда легче прежнего стало...

— Это, конечно, показатель! — фыркнул отец Стылый и потребовал: — Снимай!

— Как? — поразился я. — Зачарованные же!

— Будто сложно, — хмыкнул священник и предупредил: — Ухвати равновесие и гаси искажения!

— Эй! — встревожился я. — А поддержать, чтоб ничего не лопнуло?

— Да уж поддержат, не сомневайся! Но лучше бы тебе совладать с изменениями самостоятельно. Хотя бы попытайся!

Он дёрнул за цепочку, браслет соскользнул с моего запястья, и лёгкость сменилась болью, но — не внутри. Дух разве что колыхнулся немного, а вот кожу так и опалило.

Шея, спина, руки и левая щека загорелись огнём — показалось, будто их распороли раскалённым ножом, и я скрипнул зубами, опустился на корточки, завалился на бок и скорчился. А равновесие — держу. Легко же! Легко, чтобы меня черти драли!

— Подлатайте его! — распорядился отец Стылый. — И проведите повторное обследование!

На меня со всех сторон накатило небесно-голубое сияние, заморозило боль, остудило жжение, вроде бы даже исцелило.

Распахнулась дверь, появился отец Острый.

— Что с ним? — потребовал он объяснений.

Отец Стылый откровенничать не пожелал, пожал плечами.

— Жив промыслом Царя небесного, — нехотя ответил он.
— Сейчас подлечим и вернём его преосвященству.

Острый на получении развёрнутого ответа настаивать не стал и ушёл, Стылый же повернулся ко мне и поморщился.

— Очухался? Ну тогда разоблачайся, трудник. Поглядим, что с тобой приключилось.

Меня чем дальше, тем сильнее донимало ощущение внутренней опустошённости, поэтому упрямиться и не стал. Прикоснулся к расцарапанной щеке, помянул недобрым словом полоснувшую ногтями по лицу Лилию и скинул на пол плащ. От груди через левый бок, через всю спину и далее по правой руке вплоть до ладони протянулся воспалённый порез, шею окольцевал вздувшийся ожог, на рёбрах темнел огромный синяк, хватало и не столь серьёзных травм.

— Воистину — промыслом Царя небесного! — вздохнул отец Стылый, и я был вынужден с ним согласиться.

Если б не усилившее мою броню проклятие, то сгинул бы, на кусочки порезали драные алые ленты, а так только лишь шкуру и попортило. Заживёт, залечат!

Выгребу! Черти драные, да уже выгреб!

Глава 2

17-66

И — подлатали, подлечили. Шрамы не свели, но большинство рубцов превратилось в узкие белые ниточки, царапины на щеке затянулись, а от укуса на плече остался лишь синяк. Трогать отец Стылый запретил только окольцевавший шею ожог, но и там убрали воспаление, и кожа перестала гореть огнём.

— Этот пусть сам заживает, — предупредил меня священник и поморщился. — Не нравится он мне. Ты лучше его лишний раз не трогай, трудник.

Я оценил состояние духа и никаких следов разрушенного кольцевого меридиана в нём не отыскал, при этом аура у шеи показалась недостаточно стабильной, так что решил внять совету. Когда принялся одеваться, один из монахов поднял зачарованные кандалы и непонятно зачем нацепил браслет на запястье, но тряхнул рукой, и тот разомкнулся сам собой, полетел на пол.

— Как так?! — округлил я глаза, поскольку паренёк аспирантом совершенно точно не был.

Отец Стылый отмахнулся.

— Да просто надо не тянуть небесную силу в себя, а собирать её в одной точке и выталкивать. От одного-двух брасле-

тов даже аколит избавиться способен.

— Да как её собрать-то, если ядра не чувствую?!

— Наугад или по привычке, — пожал плечами священник. — Только учти, что эти штуки помимо всего прочего чрезвычайно замедляют происходящие в энергетике процессы, поэтому давить надо плавно. Ррра-а-з! — Он улыбнулся и указал мне на дверь. — Идём!

Я спрятал кандалы в карман, и мы начали подниматься из подвала. Там я воспользовался моментом и попытался обьявить вниманием свой атрибут, но нисколько в этом не преуспел — с толку сбило ощущение сосущей пустоты и непонятной неправильности.

В приёмной его преосвященства вновь не обошлось без самой тщательной проверки, но в итоге даже зачарованные кандалы не изъяли, разрешили проходить. При моём появлении епископ Ясный прищурился и уточнил:

— Правильно понимаю, что уличить трудника в использовании запретных техник не вышло?

— Он всего лишь уцелел после того, как сотворил посмертное проклятие, ваше преосвященство, — сообщил главе епархии отец Стылый. — Сжѐг апогей и едва не лишился всего атрибута, но дуракам везѐт, вот и выжил.

Папенька Заряны жестом отпустил его, а мне объявил:

— Учитывая значимость оказанной услуги, епархия дарует каждому из вашей братии аргумент уровня аспиранта или же выкупит таковой у школы Пылающего чертополоха

из числа тех, которые продаются внешним ученикам.

Так мы не дочь его спасли, а услугу оказали?

Впрочем, учитывая обстоятельства случившегося, к словам придирааться не стоило, и я чуть склонил голову.

— Премного благодарен.

Лицо хозяина кабинета чуть покривилось, но он тотчас совладал с собой и поднялся из-за стола.

— Идём! — указал он на дверь. — И что бы ни случилось: молчи!

Вступление сие нисколько не порадовало и отчасти даже напугало, но вопросов задавать не стал, ещё и дверь открытой придержал, выпуская епископа в приёмную. Там его уже дожидались секретарь, отец Острый и три охранника, единственный священник из которых был в ранге асессора.

Мы спустились этажом ниже и прошли в просторный и светлый зал, в дальнем конце которого возвышался помост с чем-то вроде трона и несколькими креслами поменьше. Мы — это я, епископ, его секретарь и отец Острый, а вот охранники внутрь не последовали, что меня самую малость успокоило.

Глава епархии занял самое богато украшенное из кресел, его секретарь сел по правую руку, а мне с отцом Острым пришлось встать позади них. В зал запустили писарей и стряпчих, и началась суeta, но постепенно все уgomонились, и тогда распахнулись высоченные двери главного входа, шагнувший в них монах провозгласил:

— Настоятельница монастыря Алаи Раскайавшейся игуменья Алевтина с сопровождающими!

Мелькнуло подозрение, что меня собираются сделать козлом отпущения, холодком всего так и пробрало. Ну а когда в зал вошла настоятельница, сразу стало ясно, по какой причине епископ Ясный решил принять её именно здесь, а не в своём кабинете. Женщина средних лет с рдяными глазами оказалась ассессором, её сопровождающие — аспирантками, и на стены сами собой легли алые отсветы, примерно того же оттенка, казалось, сделался и воздух.

Уж не знаю, было это намеренной демонстрацией силы или же всё объяснялось крайним раздражением посетительницы, но лично на меня суровая тётенька впечатление произвела самое неизгладимое. Нельзя сказать, будто задрожали поджилки, но впервые пожалел о том, что расстался с проклятием. С ним море было по колено, ну а сейчас захотелось поскорее отсюда убраться. И лучше даже через окно. До него было ближе, нежели до служебного выхода.

— Досточтимая матушка! — улыбнулся епископ Ясный, даже не подумав оторвать седалище от кресла. — Давно не виделись!

— Давно! — подтвердила игуменья, и возникло подозрение, что в свою бытность епископом Высокореченска Ясный с этой особой был если и не на ножах, то очень близко к тому. — Мои сёстры подверглись нападению на территории твоей епархии, и напали на них трудники! Я требую воздаяния!

Взгляд, который бросила на меня одна из монахинь, ожёг неприкрытой ненавистью, я весь так и подобрался в ожидании ответа епископа.

Тот улыбнулся. Не знаю, с чего я это взял, ведь стоял позади кресла, но готов был поклясться, что папенька Заряны расплылся в широченной улыбке, прежде чем покачать головой и заявить:

— Удивительное совпадение! Сегодня мне уже поступила жалоба о нападении, только обвинили в нём ваших сестриц, матушка!

Настоятельница недобро прищурилась, но ничего произнести не успела, поскольку вновь распахнулись двери и последовало очередное объявление:

— Боярин Ночесвет из восточной линии рода Пурпурного змея с сопровождающими!

Сопровождающими оказались Чарослав и Заряна, но алая дымка подалась назад отнюдь не из-за сияющего пурпура или калёного серебра, потеснила её обитавшая в Ночесвете чернота.

— Мой сын Чарослав и его невеста Заряна из дома Пламенной благодати подверглись нападению ордена Алаи Раскайшейся, и я намерен призвать виновных к ответу!

Всю спесь с игуменьи будто рукой сняло, и всё же она попыталась возразить боярину.

— Мои сёстры были в своём праве! Они пытались предотвратить запрещённый ритуал!

— Они напали на моего сына! — повысил голос Ночесвет, и меня аж передёрнуло от отголосков разошедшейся кругом черноты с намёком на пурпур кипящей крови. — Завтра я спрошу с виновных! Завтра!

Епископ Ясный развёл руками.

— Ничем не могу помочь, досточтимая матушка! — издевательски вежливо улыбнулся он игуменье. — Но ещё есть время обратиться за правосудием к моему Высокореченскому собрату!

Наверное, с тем же успехом он мог просто плюнуть настоятельнице в лицо, поскольку та резко крутанулась на месте и поспешила на выход, обе монашки припустили следом.

— Свободен, трудник! — отпустил меня епископ Ясный, и я медлить не стал, покинул помост и зашагал через зал, теряясь в догадках, на кой чёрт меня сюда вообще привели.

Показать монахиням? Но зачем?

Заряна подмигнула, я сделал вид, будто ничего такого не заметил, и выскользнул в коридор. Там меня встретили и предложили сопроводить на выход, а после просьбы обеспечить встречу с отцом Бедным повели куда-то сильно не туда. Сначала в своей догадке усомнился, но очень скоро и в самом деле очутился у дверей кабинета отца Острого.

Выказывать удивление не стал, постучал и заглянул внутрь.

— Разрешите?

— Заходи-заходи! — вроде как обрадовался мне отец Бед-

ный. — На ловца, как говорится, и зверь бежит!

Судя по стоящим тут и там ящикам и пока ещё пустым шкафам, священник только-только начинал обживать на новом месте, я прикрыл дверь и бестактно в общем-то спросил:

— Турнули?

— Его преосвященство произвёл рокировку, — с улыбкой ответил явно пониженный в должности священник, сцепил пальцы, хрустнул костяшками и улыбнулся. — Но это и к лучшему. Теперь-то заживём! — Он прищурился. — Что смотришь? Я серьёзно! Разыграл твой козырь и вернулся на своё прежнее место. В родное, так сказать, болото.

Я взялся за спинку стула и покачал его из стороны в сторону, счёл достаточно надёжным и сел.

— А можно пояснить?

— Как уже говорил, его преосвященство человек в городе новый, и я не имею чести состоять в прибывшей с ним из Высокореченска свите, зато в своё время был сочтён подходящей кандидатурой для того, чтобы временно возглавить направление, руководство которым изначально было обещано одному из приезжих.

— Отцу Острому?

Вопрос мой остался без ответа, священник уселся за свой скромный стол и продолжил рассказ:

— Прошло время, мой преемник оброс связями и оказался готов взвалить на себя тяжкую ношу кабинетной работы.

— Отец Бедный развёл руками. — А моё решение поручить тебе доставку послания в Высокореченск лишь слегка ускорило неизбежные перестановки.

— Но всё ведь обошлось?

— Всё обошлось бы... — сделал мой собеседник ударение на последнем слове, — если б не брак Заряны и Чарослава, который полагается излишне поспешным обоими семействами. Для его преосвященства слишком тесное сближение с родом Пурпурного змея чревато недовольством некоторых других союзников, и к тому же может быть неоднозначно воспринято в Тенезвёзде, а бояре не собирались брать на себя никаких обязательств до следующего небесного прилива, когда и станет ясно — устоит епископ или его сместят недоброжелатели. Впрочем, пустое! Меня в любом случае ждала скорая отставка.

— И как же в той ситуации следовало поступить?

— Полететь самому, разумеется. Но я остался и... — он ухмыльнулся, — провёл время с немалой для себя пользой.

Священник говорил загадками, и я попытался прояснить ситуацию:

— Так что за козырь-то, отче?

— Отвалившееся колесо, — пояснил отец Бедный. — Именно благодаря ему меня и не законопатили дышать пылью в архив, а вернули на прежнее место.

— Острый! — догадался я. — Так это он подстроил!

— Не понимаю, о чём ты, — отрезал священник и хлоп-

нул ладонями по столу. — Да и не важно! Главное, что теперь можно будет не тратить время на бумажную волокиту и не доказывать необходимость тех или иных решений, а действовать напрямую.

Прозвучало это утверждение столь многозначительно, что мне волей-неволей пришлось спросить:

— И чем займётесь?

— Займёмся! — поправил меня отец Бедный. — Займёмся мы изничтожением чернокнижников, сектантов, заговорщиков и прочей гнуси, которой полнится город!

Я покачал головой.

— Звучит не слишком интересно.

— К обоюдной выгоде! — воздел мой собеседник к потолку указательный палец. — Ибо всё имущество оных негодяев будет обращено в доход казны с выплатой отличившимся трудникам более чем просто солидного вознаграждения.

— Обращайтесь, обсудим, — решил я тогда. — И вот ещё насчёт ордена Алаи Раскаявшейся: на что они вообще рассчитывали?

— На что — понятно, — досадливо поморщился священник. — Непонятно, как они вообще пронюхали о готовящемся ритуале!

«Тем более, что его никто не готовил», — подумал я, а в слух сказал:

— Вопрос в другом: на кой чёрт они вообще сознались в нападении?

— А что им ещё оставалось? — развёл руками отец Бедный. — Их участие было предельно очевидно, вот и попытались сохранить лицо и оправдать свои действия. Представили всё так, будто не знали, кого именно пытались захватить. — Он покачал головой. — Эти проныры и впрямь не знали, что дочь его преосвященства сопровождал боярин из рода Пурпурного змея, вот и сели в лужу. Сели ведь?

Я кивнул.

— И что теперь?

— Теперь род Пурпурного змея имеет полное право сровнять монастырь с землёй или обложить его непосильным оброком. И у бояр хватит сил добиться и того, и другого. Ну а если настоятельница запросит покровительства у епископа Высокоречья, все будут знать, кто именно вернул в лоно церкви этих вздорных бабёнок.

— И вот ещё такой момент, — начал было я, сразу замаялся, но всё же решил продолжить: — Зачем меня взяли на эту встречу? Мишень на спине нарисовали?

— Скорее, дали понять, что ты человек епископа, и он лично заинтересован в твоей судьбе.

— Что-то не верится.

Отец Бедный улыбнулся.

— Брат Серый! Как понимаю, вчера погибло не меньше полудюжины монахинь. Пять или шесть аспирантов и один ассессор. Скольких убил ты?

Я невольно поёжился.

— Может, трёх.

— Даже спрашивать не стану, как тебе это удалось, — вздохнул священник. — Так вот: для ордена Алаи Раскаявшейся — это невообразимые потери. Вчера они разом лишились четверти своих наиболее подготовленных бойцов. Четверти! А ещё твои выкрутасы в Южноморске! Ты и в самом деле думаешь, что в мишени на спине есть хоть какая-то нужда? Нет? Вот видишь!

У меня вырвался обречённый вздох, и я поднялся с шаткого стула, спросил:

— А наша братия?

— Их уже отпустили.

— Тогда тоже пойду.

— Бляху верни, и свободен, — легко разрешил мне удалиться отец Бедный, но по его тону стало понятно, что наша новая встреча не за горами.

Как оказалось, всё это время за дверью меня караулил один из сопроводивших сюда монахов, вот под его присмотром я и отправился на выход, но незамедлительно покинуть резиденцию епископа не вышло: остановили на проходной, ничего не объяснили, велели ждать дальнейших распоряжений. Каких именно — не сказали. Впрочем, всё прояснилось само собой, когда во двор вышел Ночесвет. Меня боярин подзывать не стал и молча прошёл мимо, но только его самоходный экипаж тронулся с места и сразу остановился рядом,

после чего приоткрылась украшенная гербом дверца.

Особого приглашения я дожидаться не стал — пусть несколько этого и не хотелось, но забрался внутрь. И — поехали.

— Если это будет уместно, попрошу высадить у представительства школы Пылающего чертополоха, — заявил я Ночесвету, когда экипаж вывернул на улицу и затрясся на брусчатке.

Боярин кивнул, но никаких распоряжений на сей счёт отдавать не стал, чем меня несколько не порадовал. Порадовало другое.

— Я решил поддержать начинание его преосвященства и в честь помолвки сына и Заряны из дома Пламенной благодати оплачу каждому из вашей братии по аргументу, достойному аспиранта, который только согласится продать школа Пылающего чертополоха. Тебя это тоже касается, трудник Серый. Просто не распространяйтесь о случившемся в Закряжинске.

— Нас предупредили об этом, — отметил я нейтральным тоном, а про себя подумал, что ни епископ Ясный, ни боярин Ночесвет не пожелали наградить спасших их деточек трудников семейными аргументами — только лишь покупными.

— И не считай, будто это отменяет наказание за твой возмутительный проступок! — вновь помрачнел Ночесвет. — И как по мне, лично ты никакой награды не заслужил. Вот кто тебя просил потакать прихотям влюблённого юнца?

— Ну если вы так смотрите на это...

— А как иначе на это можно посмотреть?

На меня повеяло липкой жгучей тьмой, но я перестал пялиться на носки своих сапог и уставился в глаза собеседнику.

— А что ещё оставалось Чарославу? Он увидел шанс и воспользовался им.

— Шанс?! Да он и не надеялся даже выправить аспект! Им просто повезло!

— Не выправил бы, и что с того? Брак-то уже не расторгнуть, на какой-нибудь дальней родственнице ради правильного потомства не женить. Вместо прозябания на третьих ролях заполучить в тестя епископа, которому прочат большое будущее — плохо разве?

— Чарослав поставил свои интересы выше интересов рода!

— И в чём здесь глупость?

Ночесвет откинулся на спинку сиденья и вроде бы самую малость расслабился.

— Не глупость, но юношеские амбициозность и эгоизм?

— Он позволил себе намёк на улыбку. — Да, трудник, можно взглянуть на случившееся и подобным образом.

— Победителей не судят.

— Умолкни!

И вновь вместо вспышки раздражения я испытал одну лишь глухую неприязнь, а потом самобеглая коляска остановилась, за окном — крыльцо представительства школы Пы-

лающего чертополоха.

— С вашего позволения откланяюсь, — сказал я и незамедлительно выбрался наружу.

Тотчас распахнулась дверь представительства, и к экипажу прошествовала Лилия, лицо которой скрывала вуаль модной шляпки. Сопровождали боярыню Раска и уже знакомый мне аспирант с радужками бледно-розового оттенка.

Не остановились, не обменялись ни взглядом, ни словом, разошлись.

Я с облегчением перевёл дух и поспешил к чёрному ходу. Не терпелось узнать, чем именно обернулось для меня избавление от наполнения апогея — пусть монахи и решили, будто лишился крайнего колена атрибута, но нет, нет и нет! Точно нет!